

**Нам подниматься первыми
Встреча вторая с Витей Новицким**

Я этого, наверно, никогда не забуду.

Тоненький тополек-подросток прильнул к теплой материнской щеке. Она плакала беззвучно, горько, эта худощавая женщина в темной кофте. Седые волосы выбивались из-под синей ситцевой косынки. Руки, прижатые к глазам, были морщинисты и устали. Спина тихо вздрагивала.

Под толщей коричневой каменистой земли лежал вот здесь ее сын. Возле этих двух акаций она хоронила его своими руками. А теперь приехала в Новороссийск издалека, чтобы проведать сына. Столько лет не была. А на сердце будто камень: не побывала, не посмотрела... После той темной сентябрьской ночи сорок второго, когда жители попрятались по подвалам, когда стучали по булыжной мостовой кованые сапоги и звучала чужая речь.

Приказ был категоричен:

– Не хоронить маленького большевика!

Он им здорово насолил, этот большевик пятнадцати лет... Уткнувшись лицом в землю, лежал он у края свежей воронки. Темнела справа башня, старинная, трехэтажная. Здесь жили Новицкие до войны Мария Петровна, Михаил Александрович и дети – Нина, Слава, самый старший – Витя...

Не ведала, не гадала Мария Петровна, что выберется тогда Витя из подвала, где сидела она с детьми, прячась от бомбежки.

Два часа задерживал он роту фашистов... И, разъяренные, пробрались они в башню, откуда стрелял Витя, облили его спиртом, подожгли и выбросили вниз...

Мария Петровна стояла молча, и я не смел ей мешать. Она наконец отпустила деревцо и тяжелыми, неверными шагами пошла по Октябрьской площади.

Я тихонько двинулся вслед, вспоминая все, что знал о ее сыне, о чем рассказали друзья – теперь солидные и пожилые люди.

Витя не знал ни родного отца, ни родной матери. В кубанской станице жили Новицкие. Как-то ночью проснулись от детского плача. На крыльце в ворохе одеял и пеленок лежал мальчишечка. Увидел склонившихся людей, весело и заливисто засмеялся, потянулся пухлыми ручонками.

Так и прижился светлоголовый мальчуган с чуть раскосыми глазами в доме Новицких.

Вскоре они переехали в Новороссийск.

Осенью тридцать седьмого Витю усыновили. Пора было идти в школу, требовались документы. Написали год рождения – 1930-й. Может, тогда и ошиблись. Выглядел он года на два-три старше. День рождения отмечали 9 сентября.

Весной 1938-го им дали квартиру в старинной башне на Октябрьской площади.

Отец работал в управлении морского порта. Витя часто ходил к нему. На рынке тельняшку купили. Ничего, что великовата размером. Перешить недолго.

Кораблей в порту – полным-полно. Интересно смотреть, как идет погрузка-разгрузка.

А потом на катер – и домой.

Не у каждого такой дом, как у него. Башня из серого известняка. Построили еще в прошлом веке для наблюдения за горцами.

Жили Новицкие на первом этаже.

В небогатой квартире тесновато. Этажерка, набитая книгами, нижняя полка – Витина. Маленький столик с приемником (марка «СИ», длинный, полукруглый, ручки сбоку), печь с духовкой, люлька для сестрички маленькой, чертёжный стол отцу для работы, кровати. Два окна. Одно из них смотрит на Октябрьскую площадь. Отлично виден памятник героям гражданской войны.

Витя о них много знал – столько рассказывал отец! Он ведь участвовал в расстреле царя. Мальчишкам рассказал – не поверили. Ну и пусть не верят...

Какое-то волнующее чувство испытывал Витька, что-то теснило грудь и сжимало сердце, когда из-за тюлевой занавески приемника пробивалась сквозь тысячи километров тревожная песня:

Если завтра война,

Если завтра в поход,

Если черные тучи нагрянут...

И он тихо подпевал уже ломающимся голосом:

Как один человек,

Весь советский народ

За свободную Родину встанет...

Впереди были грозы, бури, впереди была большая жизнь. И Вите хотелось сделать в ней как можно больше.

Восход был кровавым. Не пели соловьи над Бугом – пушки грохотали. И еще не родились сегодняшние мальчишки и девчонки, которые об утре 22 июня 1941 года узнают лишь из фильмов и книжек.

Горе народное – война! Слезы материнские – война! Осиротевшие дети – война! Сожженные города – война!

Будьте прокляты, изуверы! Подлые руки протянулись к самому дорогому и святому – к Родине. Кованые сапоги топчут ее землю. Горит пшеница, горят дома, горят люди.

Коричневая чума расплзлась по Украине, катилась к Москве. Все ближе была Кубань и черноморские города.

Сочи не бомбить – приказ Гитлера. Он намеревался подлечить в Мацесте свои порядком истрепанные нервишки.

Новороссийск приказ обходил стороной. Бомбежки не прекращались. Город весной и летом сорок второго стал перевалочным пунктом, в который доставляли раненых из осажденного Севастополя.

Витя мотался по городу. Все нужно было ему знать и видеть. Друзей в городе почти не осталось, эвакуировались. На днях поднялся на свое излюбленное место, на крышу башни, – просто ужаснулся. Город был неузнаваем, страшен. Черные шлейфы дыма тянулись над портом, над железнодорожной станцией.

– Сволочи... Ну подождите...

Однажды он исчез из дому. Поиски ни к чему не привели.

Август сорок второго. Потоки беженцев. Ранеными переполнены госпитали. Новые части прибывали на помощь Новороссийску, которому уже угрожал враг. Трое раненых краснофлотцев поселились у Новицких.

Поздним вечером в дверь тихо постучали. Михаила Александровича дома не было, одна Мария Петровна.

– Витя? Вернулся!.. Где же ты был? – кинулась к нему, целовала, обнимала.

– Я... На корабле под Керчью, – несмело улыбнулся, грязный, голодный.

– Да как же тебя взяли?

– А я им сказал, что нет у меня ни папы, ни мамы.

Пока Витя жадно ел, закипела вода в большой кастрюле. От чашки, поставленной на табуретку, шел пар.

Витя снял рубашку. Похудел страшно. Острые лопатки торчат. Морщась, стал снимать брюки. Правая нога перевязана.

– Что с ногой?

– На корабле немного осколком задело.

– Давай перевязку сделаю.

– Не надо, там все зажило.

Все-таки Мария Петровна стала развязывать бинт, побледнела – пальца большого нет, начисто оторван...

Через несколько дней ушел на фронт отец. Вернуться ему не пришлось. Погиб под Керчью в десанте.

Город без боя сдавать не собирались. Фашисты были уже перед Волчьими воротами.

На Октябрьской площади красноармейцы вырыли траншеи, прикатили пулеметы. А потом пулеметчики перекочевали в башню: оттуда был прекрасный обзор, господствующая высота.

Пришлось Новицким перебраться жить в другое место, неподалеку от башни. Но Витя туда часто бегал. Крепко подружился с моряками, расположившимися в их доме.

Сентябрьские дни. Потом будут говорить об этом времени как начале героической обороны Новороссийска. Пока же был тяжелый ратный труд с одной мыслью-приказом: «Не пропустить врага!». А сердце добавляло: «Ни шагу назад! Не пустить фашистов на Кавказ!»

Непрерывные обстрелы и бомбежки не давали в тот день даже выйти из подвала. Никто не заметил, как Витя исчез из подвала, где сидел вместе с сестренкой и братишкой.

Вверху что-то очень сильно грохотало. Видно, рвались снаряды. Все боязливо поглядывали на потолок: выдержит ли?

Пулеметные очереди слышались со стороны башни. И автоматные очереди фашистов. Витя пробрался в башню.

«Максим» неожиданно замолчал.

...Что же делать? Убиты друзья-моряки. А ящик с пулеметными лентами еще целехонек. Скорее зарядить...

Вон показались из-за дома. Ага, боитесь? Ну, подойдите поближе.

Весело заговорил пулемет в Витиных руках. Смялись фигурки в грязно-зеленых мундирах, упали.

– Ну, давайте, суньтесь-ка еще!

За углом, надежно укрывшись от Витиных пуль, трясся от злобы немецкий лейтенант:

– В обход!

О чем думал Виктор, сжимая затвор пулемета? О чем?..

Неправда, что слезы сушит время. Неправда, что время притупляет горечь утрат. Седые матери помнят погибших детей. Ничто не заставит их позабыть. Повешены, расстреляны, погребены заживо...

О Новицком знают теперь повсюду. В книгу Почета Всесоюзной пионерской организации занесено Витино имя. Улица названа в Новороссийске в его честь. И десятки пионерских отрядов по всей стране – от Камчатки до Измаила – с гордостью носят имя пионера-героя.

Но больше всего мне дорого вот что. Погляди на море, когда будешь в Новороссийске или Туапсе.

Может, тебе повезет и ты увидишь белый и стройный теплоход. «Витя Новицкий», – прочтешь на борту.

Коротка была Витина жизнь. Как звонкая песня...

Публикуется по: Подыма К.И. Нам подниматься первыми : очерки о героях Великой Отечественной войны / К. И. Подыма. – Краснодар : Краснодар. кн. изд-во, 1976.